

© 2014 г.

А.В. ХРЯКОВ

“КОРИЧНЕВЫЕ КОРНИ” СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В ГЕРМАНИИ

Дебаты, развернувшиеся в последнее десятилетие в немецкой исторической науке вокруг темы “историки и национал-социализм”, способствовали актуализации проблемы взаимодействия науки и политики. Историки Германии прошли в понимании этого вопроса значительный путь: от традиционного восприятия науки как независимого индивидуального творчества, которое не терпит постороннего вмешательства, до современного взгляда на науку как открытую, динамично развивающуюся систему, которая не только реагирует на внешние раздражители, но и сама способна становиться активным участником политических событий. Исследования последних лет показали, что не только общество и власть нуждаются в “символическом ресурсе” ученых-историков, но и историки могут использовать социально-политические ресурсы как для становления научной карьеры, так и для развития своей дисциплины.

За истекшие после Победы над фашизмом годы, тема положения историков при национал-социализме всплывает не в первый раз. Впервые вопрос отношения немецкой исторической науки к приходу нацистов к власти и о роли историков в “немецкой катастрофе” возник сразу после Второй мировой войны. Оккупационные власти требовали проведения процесса денацификации, что предполагало выяснение, прежде всего, формального отношения к нацизму. Главный вывод, который был сделан в ходе этого процесса – немецкие историки, за исключением отдельных ученых, оказались не инфицированы вирусом нацизма; они сохранили верность объективной науке, уйдя во внутреннюю эмиграцию¹.

В начале 1960-х годов эта позиция подверглась критике; назрела необходимость ее корректировки. Началом второго этапа переоценки истории Третьего рейха научное сообщество обязано, прежде всего, новому поколению историков, получивших образование в послевоенные годы, а также немецкому студенчеству. Молодые ученые и студенты общими усилиями подняли вопрос о роли немецких университетов в политической жизни Третьего рейха. Борьба с так называемым “беспомощным антифашизмом” (когда преподаватели сознательно избегали разговоров о нацизме и своем поведении в 1933–1945 гг.), стала одним из главных проявлений студенческой весны 1968 г. в Западной Германии².

Хряков Александр Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

¹ *Ritter G.* Der deutsche Professor im “Dritten Reich”. – *Gegenwart*. 24.XII.1945; *Rothfels H.* Die Geschichtswissenschaft in den dreißiger Jahren. – *Deutsches Geistesleben und Nationalsozialismus*. Tübingen, 1965, S. 90–107.

² *Heiber H.* Walter Frank und sein Reichsinstitut für Geschichte des neuen Deutschland. Stuttgart, 1966; *Haug W.-F.* Der hilflose Antifaschismus. Zur Kritik der Vorlesungsreichen über Wissenschaft und Nationalsozialismus an deutschen Universitäten. Frankfurt-a.-M., 1967; *Werner K.-F.* Das NS-Geschichtsbild und die deutsche Geschichtswissenschaft. Stuttgart – Berlin – Köln – Mainz, 1967.

Для нового этапа, начавшегося в 90-е годы XX в., исходным пунктом стал состоявшийся во Франкфурте-на-Майне в 1998 г. съезд союза немецких историков, на котором проблема поведения историков в годы фашизма стала центральной. Во-первых, речь шла о поведении конкретных представителей исторического цеха в период нацистской диктатуры. Публикации новых источников поставили вопрос об общности и родстве мировоззренческих установок немецких историков и национал-социалистической расовой идеологии. Сегодня некоторым немецким историкам предъявлено обвинение в подготовке, оправдании и прямом участии в массовом убийстве нацистами евреев – в “Холокосте”. Эти ученые не просто исторически “легитимировали” Третий рейх, увязывая его с предшествующей национальной историей, но и в качестве экспертов, своего рода “интеллектуальных предшественников уничтожения”, способствовали планированию и осуществлению преступных замыслов нацистов³.

Во-вторых, современный спор историков коснулся вопроса становления новой западногерманской историографии. Насколько она была связана с прошлым, насколько сильным был институциональный и персональный континуитет после 1945 г.? Существовал ли “заговор умолчания” историков и их учеников с целью скрыть и придать забвению нацистское прошлое своих учителей? Этот аспект дискуссии стал необычайно актуальным после придания огласке “казуса Шнайдера-Шверте”, случая, когда немецкий германист профессор Г. Шверте в течение полувека, начиная с 1945 г., скрывал свое настоящее имя: он был эсэсовцем Гансом Шнайдером⁴.

В-третьих, спор затронул не только отдельных историков, но и исследовательские направления, и прежде всего “социальную историю”, в качестве родоначальников которой в Германии называют В. Конце и О. Бруннера, а современными протагонистами считают Ю. Кокку и Г.-У. Велера. Эта сторона спора историков связана с более общей проблемой модернизаторских возможностей гитлеровского режима. Признавая недостатки историографии 1930–1940-х годов, некоторые немецкие историки настаивают на признании новаторского характера многих положений, выработанных исторической наукой в период господства Третьего рейха, прежде всего, в рамках так называемой “истории народа”.

Предмет нашего рассмотрения – “история народа” и дискуссии немецких историков о ее связи с социальной историей – одним из ведущих интеллектуальных направлений Германии второй половины XX в.⁵ Своим возникновением и быстрой институционализацией в академическом пространстве Западной Германии социальная история обязана историкам, чей путь в науку начался в годы Третьего рейха в рамках учреждений, связанных с “историей народа”. Именно эта связь и заставила многих говорить о “коричневых корнях” социальной истории.

На сегодняшний день в среде немецкого сообщества историков просматриваются три подхода к решению проблемы персональной и интеллектуальной преемственности. Современные историки В. Шульце и В. Оберкромме предложили различать национал-социалистическую ангажированность историков и инновационное содержание их работ, написанных в годы нацистской диктатуры в рамках “истории народа”, методологические новации, приведшие в итоге к возникновению социально-структурной истории в ее современном виде⁶.

³ Aly G., Heim S. Vordenker der Vernichtung. Auschwitz und die deutschen Pläne für eine neue europäische Ordnung. Hamburg, 1991; Ebbinghaus A., Roth K.-H. Vorläufer des “Generalplans Ost”. Eine Dokumentation über Theodor Schieders Polendenkschrift vom 7. Oktober 1939. – Zeitschrift für Sozialgeschichte des 20. und 21. Jahrhunderts, 1992, 7. Jg, S. 62–94; Aly G. Rückwärtsgewandte Propheten. – Kontinuitäten deutschen Denkens. Berlin, 1997.

⁴ Vertuschte Vergangenheit. Der Fall Schwerte und die NS-Vergangenheit der deutschen Hochschulen. München, 1997. Leggewie C. Von Schneider zu Schwerte. Das ungewöhnliche Leben eines Mannes, der aus der Geschichte lernen wollte. München – Wien, 1998.

⁵ Хряков А.В. Историки при национал-социализме: жертвы, попутчики или преступники? – Новое литературное обозрение, 2005, вып. 74.

⁶ Schulze W. Deutsche Geschichtswissenschaft nach 1945. München, 1989; Oberkrome W. Volksgeschichte: methodische Innovation und völkische Ideologisierung in der deutschen Geschichtswissenschaft 1918–1945. Göttingen, 1993.

Их оппоненты считают, что “отцы-основатели” западногерманской историографии, прежде всего В. Конце, О. Бруннер, Г. Аубин, вследствие своей политической ангажированности в годы нацистской диктатуры серьезно себя дискредитировали и вся их послевоенная деятельность, а значит и сформулированные ими новые методологические основания, подлежат осуждению. По этой логике, современная историческая социальная наука, вышедшая из ранней западногерманской социальной истории и представленная такими именами как Ю. Кокка и Г.-У. Велер, также находится в тени одиозной “истории народа”. Историографы, обратившихся в последнее время к деятельности немецких историков на оккупированных фашистами территориях, оспаривают наличие инновационного содержания в работах представителей “истории народа”. Эти исследователи рассматривают новации как вклад в “прогресс человеческой цивилизации” и считают невозможным осуществить разделение аморальных политических целей и научных методов⁷.

Р. Козеллек, а также некоторые американские авторы, не считают возможным разделять новационное содержание многих немецких исторических работ 30–40-х годов XX в. и общественно-политический контекст их возникновения. Р. Козеллек заявляет, что многие из этих работ являются “хорошим примером” того, как “политически обусловленные познавательные интересы могут привести к теоретически и методически новым взглядам, которые переживут их исходную ситуацию”⁸.

Надо признать, что мышление в категориях “континуитета”, в независимости от его оценки, страдает многими недостатками. На передний план здесь выдвигается преемственность, линейность, векторность развития; этот аспект постоянно обнаруживается многими современными авторами в работах своих предшественников. При таком подходе изменение историографического ландшафта Германии понимается упрощенно, как последовательная смена замкнутых научно-исторических парадигм, происходившая по имманентно присущим дисциплине законам: историзм – история народа – структурная история – социальная история – историческая социальная наука.

Сегодня маятник качнулся в сторону персональной и институциональной истории исторической науки, ее социально-политической ориентации. Генеалогия историографических течений намного сложнее. По всей видимости, история историописания должна быть представлена не как последовательная смена следующих друг за другом “парадигм”, а иначе. Развитие исторической науки определяется не только преемственностью, но и прерывистостью, не только “континуитетом”, но и “цезурой”, параллельным сосуществованием и конкуренцией различных парадигм.

Многие авторы, стоявшие у истоков социальной истории в Германии, в свое время были тесно связаны с “историей народа”. Это направление историографии образовалось в Германии в 1920-е годы в рамках националистического движения “фёлькише” и в непосредственной близости к национал-социалистической идеологии; ее основными

⁷ *Fahlbusch M.* Die Tragödie der Sozial- und Zeitgeschichte. Wer in die brauen Fußstapfen seiner Vorgänger tritt, hinterlässt keine eigenen Spuren. – <http://hszokult.geschichte.hu-berlin.de/beitrag/essays/fami0499.htm>; *Roth K.H.* Heydrichs Professor. Historiographie des “Volkstums” und Massenvernichtungen. Der Fall Joachim Beyer. – *Geschichtsschreibung als Legitimationswissenschaft* 1918–1945. Frankfurt-a.-M., 1997, S. 262–342; *Haar I.* “Kämpfende Wissenschaft”. Entstehung und Niedergang der völkischen Geschichtswissenschaft im Wechsel der Systeme. – *Deutsche Historiker im Nationalsozialismus*. Frankfurt-a.-M., 1999; *edem.* *Historiker im Nationalsozialismus*. Göttingen, 2000; *Schöttler P.* Versäumte Fragen – aber welche? Die deutsche “Historikerzunft” und ihre dunkle Vergangenheit. – *Historisches Denken und gesellschaftlicher Wandel. Studien zur Geschichtswissenschaft zwischen Kaiserreich und deutscher Zweistaatlichkeit*. Berlin, 2004, S. 125–147.

⁸ *Van Melton J.H.* From Folk History to Structural History. Otto Brunner (1898–1982) and the Radical-Conservative Roots of German Social History. – *Paths of Continuity. Central European Historiography from the 1930s to the 1950s*. Cambridge, 1994; *Козеллек Р.* Социальная история и история понятий. – *Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века*. СПб., 2006, с. 36, прим. 4.

исследовательскими категориями были “народ”, “раса”, “почва”⁹. Хотя понятия “расы” и “народа” было для немецкой исторической науки центральными на протяжении первой половины XX в., немецкая историография долгое время уклонялась от детального анализа этих категорий. Вместо них послевоенные немецкие историки фокусировали внимание на партийно-политической расстановке сил Веймарской республики и деятельности германского правительства.

Значение слов “народ” и “нация”, как утверждает немецкое направление историографии, называемое “история понятий”, имеет в немецком языке свою специфику; оно изменялось во времени. Народ, в немецком понимании XIX – начала XX вв., был величиной метафизической, возвышающейся над отдельными субъектами и не сводимой к ним. Это кардинально отличало немецкое понимание народа и нации от французского, в основе которого лежала теория общественного договора. Подобное политическое определение нации емко сформулировал французский историк Э. Ренан, заявивший, что нация это “ежедневный плебисцит”. К тому же, в Германии вследствие того, что места расселения немцев не совпадали с государственными границами, народ всегда понимался как величина негосударственная и надгосударственная.

Понятие “народ”, являясь первоначально полным синонимом слова “нация”, после походов Наполеона и освободительной войны 1813–1814 гг. стало воплощением неприязни немцев в отношении всего французского. Поддержав изначально Французскую революцию и провозглашенное ею право народа на суверенитет и формирование государственной нации, немцы, в итоге, пришли к неприятию понятия “нация” в ее французском значении. Р. Козеллек, один из основателей “истории понятий”, охарактеризовал немецкое понятие “народ” как “компенсационное”¹⁰. Походы Наполеона, приведшие к крушению Священной Римской империи германской нации, а также Венский конгресс, закрепивший “status quo” в Европе, фактически лишили немцев возможности стать единой политической (государственной) нацией. “Компенсирруя” это, немцы использовали понятие “народ” для подчеркивания внегосударственной и вневременной сущности своего этноса, обладающего особыми, неизменными свойствами и качествами народности. Не государственное, а социо-культурное понимание термина “народ” сохранялось почти весь XIX в. По мере развития это понятие обогащалось различными коннотациями; народ стал восприниматься не только как культурно-языковая общность, но и как общность происхождения, как историческое и, наконец, природное единство. Для обозначения этого природного единства к концу XIX в. все чаще стали употреблять слово “раса”.

В последней трети XIX в. в Германии прилагательное “фёлькиш”, образованное от существительного “фольк” (народ), стало восприниматься националистическими и антисемитскими кругами как альтернатива уже существовавшему в языке, но воспринимаемому негативно, прилагательного “националь” (национальный). Речь шла не о простой замене одного слова на другое, а о принципиальной смене значения, в результате чего “фёлькиш” стало обозначать не “национальный”, а нечто совершенно иное, чему в других языках нет прямых аналогов¹¹. Этот термин означает специфическую форму национализма, основанную на признании приоритета кровной близости. Тот же смысл имеет выражение “этнический национализм”, противопоставляемый национализму государственнического типа.

⁹ Hettling M. Volk und Volksgeschichte in Europa. – Volksgeschichten im Europa der Zwischenkriegszeit. Göttingen, 2003, S. 7–38.

¹⁰ Volk, Nation, Nationalismus, Masse. – Geschichtliche Grundbegriffe, Bd. 7. Stuttgart, 1992, S. 149.

¹¹ Для русских читателей эта проблема усугубляется тем, что очевидным переводом слова “völkisch” являются слова “народный”, “народнический”. Однако понятие “народничество” в русской истории имеет совершенно иной смысл. Поэтому термин “völkisch” переводят как “этнический национализм”. В последнее время в русском языке употребляют слово “фёлькиш” с его производными.

Поражение Германии в Первой мировой войне привело к повсеместному использованию понятия “народ” в узком материалистическом и даже этно-биологическом расовом значении. Этому способствовали два фактора. Во-первых, крушение империй в Германии и Австрии, а во-вторых, возникшее несоответствие между территорией государства и расселением немцев. В результате Версальского мироустройства немецкий народ оказался разделенным, его жизненное пространство сузилось. Как и в XIX в., После первой мировой войны понятие “немецкий народ” рассматривалось немецкими реваншистами как “единство крови и земли”, которое необходимо для достижения территориального единства и политического величия германского рейха.

Понятие “фёлькиш” иногда используется для характеристики всего спектра крайне правого антилиберального националистического лагеря в Германии в первой трети XX в.¹² Согласно “широкому” пониманию этого термина, “фёлькишское” движение включает в себя все крайне правые националистические течения, которые отличались от “движения фёлькише” в “узком” смысле, возникшего на рубеже XIX–XX вв. как самоназвание группы правых экстремистов¹³.

Научное определение понятия “фёлькиш” дать не просто¹⁴. Историки традиционно рассматривают это движение несколько упрощенно: как националистическое течение, проложившее путь к власти национал-социалистам во главе с Гитлером. Немецкие правые начала XX в. (и движение фёлькише в особенности) исходили из тезиса об уникальном этническом характере немецкого народа и сочетали это положение с расистской идеологией. В их работах границы между понятиями “народ”, “нация” и “раса” стремительно стирались. Если слово “фёлькиш” и употреблялось в качестве синонима национального и этнического, то всегда в смысле расового национализма, так как расизм стал центральным элементом этого мировоззрения.

Для “научного” оформления своих взглядов националистические авторы использовали богатые традиции расовых спекуляций в естествознании и гуманитарных науках. Они ссылались преимущественно на “научный расизм” (евгенику) – расистскую антропологическую и гигиеническую литературу, авторы которой нередко были связаны с движением фёлькише. В идеологии фёлькише раса не была исключительно биологической величиной, фиксирующей лишь антропологические или генетические признаки; раса означала также идеальную сущность или даже метафизическую категорию. В основе понимания расы изначально лежали интеллектуальные спекуляции относительно сущности, происхождения и истории языка, народа и культуры, чьи внутренние характеристики и признаки соответствовали внешним и передавались по наследству. Благодаря этой неразделимой смеси естественнонаучных и гуманитарных спекуляций, расизм смог стать мировоззрением, с помощью которого пытались интерпретировать все без исключения социальные и исторические явления¹⁵.

Значение фёлькишского движения в истории Германии первой половины XX в. не только в его широком распространении (оно насчитывало сотни объединений), но и в популяризации теорий и мифологем, которые стали частью столь же гетерогенного национал-социалистического мировоззрения¹⁶. Немецкий исследователь Р. Киппер сформулировал идеальный тип мировоззрения фёлькише, состоящий из четырех

¹² В “широком” смысле этот термин употребляет П. Бурдые. – *Бурдые П.* Политическая онтология Мартина Хайдеггера. М., 2003.

¹³ *Handbuch zur “Völkischen Bewegung” 1871–1918.* München – London – Paris, 1996, S. IX–XXIII.

¹⁴ *Руткевич А.М.* Времена идеологов. Философия истории “консервативной революции”. М., 2007, с. 14.

¹⁵ *Шницерльман В.А.* “Порог толерантности”. – Идеология и практика нового расизма, т. 1. М., 2011, с. 15–43.

¹⁶ *Puschner U.* Germanenideologie und völkische Weltanschauung. – *Zur Geschichte der Gleichung “germanisch-deutsch”. Sprache und Namen, Geschichte und Institutionen.* Berlin – New York, 2004, S. 104.

элементов¹⁷. Во-первых, это абсолютизация “этнической общности”, которая может пониматься как в социо-культурном, так и в расово-биологическом плане. Это определяющий критерий характеристики общественной группы. Такие социальные понятия как государство, классы, религия являются вторичными и зависят от “этнической общности”. Во-вторых, признание природного и неисторичного характера народа, что ведет к принципиально статичному пониманию истории. Существующий в истории динамизм определяется антагонизмом между народами. Народы, находящиеся друг с другом в состоянии конкуренции, понимаемой с позиций социал-дарвинизма, являются главными субъектами и двигателями исторического процесса. В-третьих, сила культурных, социальных или политических влияний, исходящих от окружающего мира, не воздействует на отдельных людей. Личность воспринимается как часть “народного тела”, а ее характеристики определяются этническими качествами всего народа. В-четвертых, дифференцированная оценка и иерархия этносов. В результате складывается образ истории, ориентирующий на национальную конкуренцию и выступающий залогом агрессивного потенциала идеологии фёлькише.

Чтобы эта националистическая идеология стала “респектабельной” и была принята академическим сообществом, потребовались ученые, организации и научные структуры, озабоченные желанием определить и описать “немецкую расу и нацию”. Возникло массовое научное предприятие под названием “истории народа”, которое перевело националистический дискурс в научную терминологию.

Культурной основой движения фёлькише было неприятие современности с ее быстрорастущей социальной дифференциацией, эмансипацией женщин и евреев, возникновением массового общества, разрушением традиций и прежнего социального единства. Но само по себе ощущение кризиса не требовало систематической научно-политической критики существовавшего общественно-государственного строя. Для формирования новых академических подходов, базирующихся на иных концептуальных основаниях, необходимо было поставить под сомнение способность традиционной науки преодолеть духовный кризис современности, возложить на нее долю ответственности за происходящее. Буржуазно-либеральное “разъединяющее мышление”, господствовавшее в XIX в., было объявлено виновником не только популярности марксизма и роста рабочего движения, но и распада традиционного единства государства и общества. По свидетельству философа Т. Адорно, “в предфашистской Германии целостность была девизом всех тех, кто отметал XIX век как в общем и целом устаревший... Учение о первичности целого по отношению к частям как некий идеал приводило в экстаз все апологетическое мышление”¹⁸. Отныне “механистическому” дуализму государства и общества в качестве органической одушевленной целостности противопоставлялся народ. На смену “формированию государства” как традиционного ядра немецкой историко-политической мысли всего XIX и первых десятилетий XX в. пришел новый парадигматический концепт – “становление народа”¹⁹.

Содержательная сторона этого подхода разрабатывалась в 20–30-е годы XX в. на страницах журналов “Немецкие тетради по народным исследованиям” под редакцией Г. Ипсена, “Народ в становлении” Э. Крика, “Зеркало народа”, основанного Г. Фрейером в сотрудничестве с М. Бёмом и М. Румпфом²⁰. При всех различиях, взгляды немецких авторов роднило восприятие народа через призму межэтнической борьбы и признание его изначальным органическим, еще не затронутым веяниями Нового времени, идеальным родовым и культурным сообществом, сохранившим свою неизменную сущность и связь с родной почвой. В этих построениях концепт “народ” занял

¹⁷ Kipper R. Der Germanenmythos im Deutschen Kaiserreich. Göttingen, 2002, S. 17–18.

¹⁸ Адорно Т.В. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии. М., 2011, с. 158.

¹⁹ Volkswendung.

²⁰ Одну из первых попыток критики радикальных (как левых, так и правых) представлений об “общности” предпринял философ Г. Плеснер. – Plessner H. Grenzen der Gemeinschaft. Eine Kritik des sozialen Radikalismus. – Gesammelte Schriften, Bd. IV. Frankfurt-a.-M., 1981, S. 7–134.

место, которое в позитивистской науке принадлежало понятиям “конституция” и “государство”. При таком восприятии народа, в нем обнаруживались не только популярные представления о “целостном” и “изначальном”, но и не менее востребованные представления о “конкретном”.

Наиболее последовательным критиком буржуазно-либерального “разъединяющего мышления” был правовед К. Шмитт (1888–1985) – один из самых ярких и противоречивых интеллектуалов Веймарской Германии, не принявший либерально-демократические порядки и конституцию страны²¹. По мнению Шмитта, кризис Веймарской конституции, а вместе с ней и всей системы социально-политических отношений тогдашней Германии, был связан с тем, что в ее основе лежали нормы и понятия XIX в., выработанные в ходе Великой французской революции для совершенно иных целей – эмансипации гражданского общества по отношению к абсолютистскому государству²². Германии XX в., по его мнению, были навязаны неадекватные ее действительности представления о парламентаризме и демократии, приведшие к росту партикуляризма разнообразных партий, союзов, групп интересов, а в итоге, к разрушению сильного государства. В противовес децизионизму²³ XVII в. и нормативизму²⁴ XVIII в., Шмитт предложил “конкретное мышление о порядке и формах, которое достойно многочисленных новых задач государственной, народной, хозяйственной и мировоззренческой ситуации и новых форм сообщества”²⁵.

Такие сопоставимые понятия, как “государство – общество”, “конституция – управление”, “частное – публичное право” Шмитт заменил на “рейх”, “народ”, “дом”, “семья”, “предприятие”, “армия”, “чиновничество”, понимаемые как “конкретные порядки”. В Веймарской Германии любые научные антитезы казались синонимами общественного раскола и деградации. Их место в научно-политическом дискурсе заняли так называемые “снимающие противоречия понятия” (термин, введенный немецким историком права О. Лепсиусом). “Конкретный порядок” является одним из таких “снимающих противоречия понятий”. По мнению Лепсиуса, помимо содержательной неопределенности и эмоциональной нагруженности, подобного рода обороты существовали в двух плоскостях: не только в научной, но и в социально-политической. В этих “снимающих противоречия понятиях” имелся одновременно сильнейший стимул к соучастию, совместной деятельности по достижению общих целей²⁶.

Пространственная укорененность “конкретного” народа в таком случае противостояла “абстрактному” территориальному космополитизму универсального человечества. Народ в качестве органической одушевленной сущности преодолевал “механистический” дуализм государства и общества, а конкретное историческое бытие народа обещало вернуть истории прежнюю “целостность” и “единство”, воскресить забытый в современном мире идеал “тотальности”.

²¹ Филиппов А. Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа. – Шмитт К. Политическая теология. М., 2000; Dirk L. van. Carl Schmitt, ein Widergänger Weimars? – Frankfurt-a.-M. – Berlin – Bern – Bruxelles – New York – Oxford – Wien, 2000; Кильдюшов О. Между правом и политикой. – Шмитт К. Государство. Право и политика. М., 2013.

²² Шмитт К. О трех видах юридического мышления. – Шмитт К. Государство. Право и политика, с. 311.

²³ Децизионизм (лат. “decisio” – “я решаю”) – “теория решения” как фундаментального момента проявления политического и главной инстанции для становления, изменения или укрепления правовой системы. Разработана К. Шмиттом как “Entscheidungslehre” (нем.) – “учение о решении”.

²⁴ Нормативизм — правовая доктрина, рассматривающая право исключительно как объективную логическую форму, абстрагированную от социального, психологического и исторического содержания.

²⁵ Шмитт К. Государство..., с. 355.

²⁶ Lepsius O. Die gegensatzauhebende Begriffsbildung. Methodenentwicklungen in der Weimarer Republik und ihr Verhältnis zur Ideologisierung der Rechtswissenschaft im Nationalsozialismus. München, 1994.

Особого внимания заслуживает связанный с понятием “народ” сдвиг исследовательского интереса, произошедший в историографии Германии после Первой мировой войны. Старые подходы, ориентировавшиеся на изучение политико-дипломатических отношений государств, ничего не давали для ревизионистских претензий в отношении отторгнутых у Германии территорий. В рамках традиционной для немецкой историографии исторической парадигмы, где главными субъектами истории выступали великие личности, а взаимоотношения стран строились на признании суверенитета, вернуть потерянные после Первой мировой войны земли не представлялось возможным – оставалось только сожалеть о навязанном Германии Версальском мире.

Вместе с поражением Германского рейха в 1918 г., изменившиеся государственные границы приобрели огромное политическое, идеологическое и символическое значение. Послевоенные события и поведение союзников по Антанте способствовали утверждению в Германии мнения о границах как изменяемых и несправедливо навязанных победителями. Пограничная территория стала восприниматься как пространство между соседями, в котором последняя битва еще не состоялась и последнее слово еще не сказано. Понятия “пространство”, “территория” стали основными для политического дискурса и всей “истории народа”. Ключевые функции этих понятий, по мнению современного немецкого историка Т. Мюллера, состояли в том, что “пространство” стало обозначать не “реальный современный или исторически сложившийся регион”, а некую абстрактную категорию. Новое пространство возвышалось над историческими и географическими структурами немецких и не немецких территорий, расположенных по обе стороны границы²⁷. Эта своеобразная концепция ставила под сомнение не только территориальную целостность государств, но и суверенитет ближайших соседей немцев, конституируя совершенно новое поле политической мысли и действия – пограничную политику. Основное внимание было приковано к бывшим немецким землям, расположенным по другую сторону государственной границы, в первую очередь, во Франции на Западе и Польше на Востоке. Для ревизионистских целей “история народа” подходила гораздо больше, чем традиционная история государств и правителей, так как опиралась на понятие народа, неразрывно связанного со своей территорией.

Можно назвать авторов, которым удалось разработать, обосновать и сделать актуальными категориями научно-исследовательского анализа политические понятия: “немцы пограничья”, “немцы зарубежья”, “немецкая национальная почва”, “культурная почва”. Это М.Х. Бём (1891–1968), философ и социолог, принадлежавший к ближайшему окружению А. Меллера ван ден Брука²⁸, который еще в 1923 г. развил свои представления о реорганизации национальных отношений в Европе²⁹. Отталкиваясь от произошедшей после Первой мировой войны реорганизации европейского мира, он признал невозможным согласование границ государства и народа. Он предлагал создание центрально-европейской федерации, в которой немецкому рейху, учитывая его демографическое, культурное, историческое и хозяйственное значение, должна причитаться роль ведущей экономической и военной силы.

Берлинский профессор географии А. Пенк (1858–1945) разработал основополагающие для “истории народа” понятия: “национальная почва” и “культурная почва”. Под “национальной почвой” Пенк понимал заселенные немцами территории, где

²⁷ Müller Th. *Imaginerter Westen im das Konzept des “deutschen Westraums” völkischen Diskurs zwischen Politischer Romantik und Nationalsozialismus*. Bielefeld, 2009, S. 9.

²⁸ Mohler A. *Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932. Ein Handbuch*. Darmstadt, 1994, S. 406; Prehn U. “Volk” und “Raum” in zwei Nachkriegszeiten. Kontinuitäten und Wandlungen in der Arbeit des Volkstumsforschers Max Hildebert Boehm. – *Das Erbe der Provinz. Heimatkultur und Geschichtspolitik nach 1945*. Göttingen, 2001, S. 50–72.

²⁹ Boehm M.H. *Europa Irredenta. Eine Einführung in das Nationalitätenproblem der Gegenwart*. Berlin, 1923.

можно “услышать немецкую речь и увидеть результаты немецкого труда”³⁰. Гораздо шире “национальной почвы” так называемая “культурная почва”, представляющая собой облагоустроенный и упорядоченный немцами в соответствии с определенным планом ландшафт. По словам Пенка, “культурная почва” – “это величайшее немецкое достижение”, которое можно встретить повсеместно: в Восточной Европе и в Чили, в бразильских тропиках и на юге Африки. “Немецкая культурная почва – не результат особых географических или климатических условий”, “это дело людей определенного склада, меняющих природу по своей воле”. Пенк распространял немецкую культурную почву вплоть до немецких поселений в Крыму, в Молдавии и на Волге³¹. Главным предметом его исследований являлась не Германия в определенных политических границах, а “германство”, разбросанное не только по Европе, но и по всему миру.

После подписания Версальского мира в Германии зародилось движение, охватывающее почти 2 тыс. общественных организаций, которые стремились к отмене Версальского договора и пересмотру тезиса о единоличной вине Германии за развязывание Первой мировой войны. В среде государственных чиновников существовало мнение, что якобы из-за недостатка у немецких участников Парижской мирной конференции 1919 г. политико-географических знаний, а также отсутствия признанных экспертов по этим вопросам, немцам во время обсуждения с представителями Антанты территориальных проблем им не удалось отстоять собственные позиции.

Изменившаяся международная обстановка способствовала возникновению в начале 20-х годов XX в. научных центров, ориентировавшихся на региональные исследования. Важной вехой стало создание в 1926 г. в Лейпциге “Фонда исследования национальной и культурной почвы”, который в 1931 г. превратился в “Фонд изучения этнических немцев”³². Этот “мозговой трест” состоял из пяти исследовательских сообществ (Юго-Восточногерманское, Северо-Восточногерманское, Западное, Альпийское, Заокеанское) и объединял около тысячи ученых различных специальностей: историков, географов, лингвистов, этнографов, демографов, краеведов. Главной задачей этих организаций было “научно исследовать вопросы, которые поднимает национальная борьба в немецких приграничных землях”. Их деятельность рассматривалась “как часть обороны от чуждых нападков на немецкую национальную почву”; ее результаты “должны были служить не только науке, но и национальной жизни и потребностям пограничной борьбы”³³. Эта междисциплинарная система возникла при непосредственном участии министерств иностранных дел и внутренних дел Германии.

Таким образом, в годы Веймарской республики была создана институциональная среда “народной истории”; некогда маргинальный дискурс был признан германским научным сообществом не только в качестве инструмента национальной борьбы, но и как возможная альтернатива традиционной немецкой истории идей и истории государства. Специалист по этнической истории немцев Э. Кейзер (1893–1968) так определил дальнейший вектор развития немецкой исторической науки: “Вероятно в будущем останутся лишь политические историки, но не в устаревшем смысле, что каждый историк исключительно или по преимуществу будет заниматься государственной историей, но в том смысле, что он везде и всегда будет ориентировать свое исследование и преподавание на политические потребности своего народа”³⁴. В годы Третьего рейха “история народа” стала неотъемлемой частью немецкой исторической

³⁰ Penck A. Deutscher Volks- und Kulturboden. – Volk unter Völkern. Bücher des Deutschtums, Bd. 1. Breslau, 1925, S. 62.

³¹ Ibid., S. 70.

³² Fahlbusch M. “Wo der deutsche... ist, ist Deutschland!” Die Stiftung für deutsche Volks- und Kulturbodenforschung in Leipzig 1920–1933. Bochum, 1994.

³³ Voigt G. Methoden der Ostforschung. – Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1959, № 7, S. 1801.

³⁴ Keyser E. Die Völkische Geschichtsauffassung. – Preußische Jahrbücher, 1933, S. 19.

науки; используя изменившуюся общественно-политическую ситуацию, ее представителям удалось серьезно потеснить конкурентов в борьбе за властные и материальные ресурсы.

Инновационный характер “истории народа” состоял, во-первых, в том, что, по сравнению с традиционным немецким историзмом, исследовательский интерес смещается с деятельности великих личностей, связанных со сферой государственной, прежде всего внешней политики, на народ: формы его существования, систему хозяйства, традиции, быт, обычаи. Во-вторых, интерес современных историографов направлен на поиск в работах “историков народа” новых теоретико-методологических подходов, заимствованных из арсенала смежных дисциплин: демографии, статистики, этнологии, антропологии, лингвистики, экономики. Изучение социально-географического пространства, а также нравов и обычаев народа, едва ли было возможно с использованием традиционных историографических методов. Это вело к разнообразию методики и росту количественных исследований.

С претензией на поиск “изначального, не испорченного цивилизацией народа” связана ориентация “историков народа” на древнюю и раннюю средневековую историю. В 1920–1940-е годы в Германии выше ценилась средневековая эпоха в сравнении с более молодым Новым временем. Исследование обычаев и нравов требовало, кроме того, смены перспективы с истории “великих людей” к истории “простого народа”, то есть к изучению доиндустриальной аграрной эпохи, население которой считалось историческим носителем немецкого национального своеобразия. Источники, необходимые для подобного переворота, невозможно было найти исключительно в письменных документах. “История народа”, в отличие от своих предшественников, гораздо больше ориентировалась на материальные свидетельства (археологические находки, изобразительные материалы) и устное народное творчество.

Одним из “отцов основателей” немецкой социальной истории и истории понятий, чья деятельность вызывает ожесточенные споры современных историков Германии, был профессор Венского и Гамбургского университетов О. Бруннер (1898–1982)³⁵, автор монографии “Земля и господство”³⁶. Работа Бруннера выдержала 6 переизданий. Первые 3 вышли в свет в период нацистской диктатуры; наиболее обсуждаемое 4 издание появилось в 1959 г., последние – в 1965 г. и 1973 г. Книга Бруннера была переведена на английский язык, что сделало идеи более чем полувековой давности достоянием мировой англоязычной общности³⁷.

Работа Бруннера производит неоднозначное впечатление, так как не представляет собой хронологически и тематически единого исследования. Книга состоит из 5 самостоятельных частей, посвященных разнообразным методологическим и конкретным историческим вопросам. Несмотря на узкие рамки исследования, охватывающего лишь позднее средневековье на юго-востоке Германии, выводы Бруннера претендуют на общеисторическое значение. Историк не скрывал этого, заявляя во введении, что “эта работа предполагает... обсуждение принципиальных вопросов немецкой конституционной истории средневековья”³⁸.

³⁵ Oexle O.G. Sozialgeschichte – Begriffsgeschichte – Wissenschaftsgeschichte. – Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, 1984, Bd. 71; Jütte R. Zwischen Standestaat und Austrofaschismus. Der Beitrag Otto Brunners zur Geschichtsschreibung. – Jahrbuch des Institut für Deutsche Geschichte, Bd. XIII. Berlin, 1984; Blänkner R. Von der “Staatsbildung” zur “Volkswendung”. Otto Brunners Perspektivenwechsel der Verfassungshistorie im Spannungsfeld zwischen völkischem und alteuropäischem Geschichtsdenken. – Alteuropa oder Frühe Moderne. Deutungsmuster für das 16. bis 18. Jahrhundert aus dem Krisenbewußtsein der Weimarer Republik in Theologie, Rechts- und Geschichtswissenschaft. Berlin, 1999.

³⁶ Brunner O. Land und Herrschaft. Grundfragen der territorialen Verfassungsgeschichte Süddeutschlands im Mittelalter. Wien – Brunn – Leipzig – Prag, 1939.

³⁷ Brunner O. Land and Lordship. Structures of Governance in Medieval Austria. Philadelphia, 1992.

³⁸ Brunner O. Land und Herrschaft, S. 2.

Анализируя преимущественно источники XIV–XVI вв., Бруннер переносит результаты исследования на всю тысячелетнюю историю европейского средневековья. Вся средневековая история для него конституируется вокруг идеи “германской чести и преданности”, определяющей поступки как аристократии, так и плебса. Для обоснования собственной общественной модели и демонстрации непрерывности и целостности истории средних веков автору оказалось достаточно одной ссылки на О. Хёфлера с его теорией “германского континуитета”³⁹.

Представленная Бруннером модель средневекового общества необычайно проста. По его мнению, состояние человеческих взаимоотношений в эпоху средневековья характеризовалось удивительной гармонией. Непродолжительные конфликты возникали в результате нарушения этой гармонии, но, благодаря усобице и связанному с ней заслуженному возмездию, в мир вновь возвращалось спокойствие. Поэтому “осуществлять месть, защищать честь, быть верным” надлежало человеку, вступившему на путь войны, которая представлялась в высшей мере справедливым делом.

Политическое начало в произведениях Бруннера, как подчеркивал историк К. Диппер, имеет “неслучайную природу”⁴⁰. Время национал-социализма Бруннер оценивал не как “возврат к древнегерманским или средневековым формам”, но как шанс восстановления германских структур порядка и господства в модифицированных формах⁴¹. По его мнению, в Третьем рейхе, как и в средневековье, благодаря национал-социалистическому “народному сообществу” был преодолён старый антагонизм государства и общества, характеризовавший эпоху либерализма.

Народ, по словам Бруннера, “это скорее кровно и расово характеризующая действительность, которая существует в конкретном порядке народа и сознает это единство в переживании народного сообщества”⁴². Бруннер стремился описать позднесредневековое общество как “конкретный порядок”, найти “нерасчлененную сущность” средневекового мира, его целостное состояние.

Вслед за К. Шмиттом, Бруннер критиковал универсальные принципы естественного права, несуществующие абстракции, на которых строилась позитивистская наука XIX в. Понятия “государство”, “общество” или “конституция”, “разделяющее мышление”, прежде имевшие универсальное нормативное значение, воспринимались Бруннером как преходящие категории, возникшие в XIX в. исключительно для описания собственного устройства и не применимые ни к какой другой эпохе. Бруннер перенял понятие конституции, данное К. Шмиттом, под которым он понимал “конкретное общее состояние политического единства и социального порядка определенного государства”⁴³. Борьба против либерального словоупотребления и аналогичного видения истории включала нападки на основные принципы демократии вообще. Бруннер писал: “Княжеский абсолютизм был побежден. Конечно, вплоть до 1848 г. в рыхлых рамках австрийской монархии продолжали существовать земли и ландтаги, сохранился, правда, в застывшей и ослабленной форме древний принцип „благородства и происхождения“. Либеральная революция разрушила этот фундамент, но, как оказалось, была не в силах самостоятельно сотворить прочные основания длительного порядка”⁴⁴.

После 1945 г. упрекать либерализм в недостатках и в неспособности к образованию прочной государственности означало противоречить духу демократических преобразований. Средневековое конституционное устройство после краха Третьего рейха стало пониматься как “всесословное единство и социальный порядок”.

³⁹ Ibid., S. 510.

⁴⁰ *Dipper Ch.* Otto Brunner aus der Sicht der Frühneuzeitlichen Historiographie. – *Annali dell'Istituto Storico Italo-germanico* in Trento, 1987, №13, S. 95.

⁴¹ *Brunner O.* Land und Herrschaft, S. 511.

⁴² Ibid., S. 517.

⁴³ *Schmitt C.* Verfassungslehre. München – Leipzig, 1928, S. 4.

⁴⁴ *Brunner O.* Land und Herrschaft, S. 504–505.

Из послевоенных изданий книги Бруннера исчезли слова о “вождизме” и “общинности” немецкого народа. Исчез вывод о происхождении политических понятий Третьего рейха из древнегерманской основы. Вместо этого осталось понятие верности вождя и подчиненных; отношения этико-правовой обусловленности стали восприниматься как основополагающий принцип средневекового мироустройства. Но самая серьезная трансформация коснулась понятия “внутренний порядок народа”, замененного в последнем издании понятием “структура”, заимствованным из работ французского историка Ф. Броделя. В свою очередь, понятие “структурная история” стало употребляться вместо пресловутой “истории народа”. Но несмотря на многочисленные правки, Бруннер смог заявить, что “в своей основе книга осталась неизменной”⁴⁵.

Книга Бруннера сегодня вызывает не меньше споры, чем вопрос о персональном и интеллектуальном родстве “истории народа” с социальной историей. К. Диппер назвал эту смену понятий “терминологическим камуфляжем”⁴⁶ и вместе с Г. Альгази⁴⁷ и Р. Ютте⁴⁸ увидел в ней лишь оппортунистическую “уступку новому духу времени”, подчеркивая континуитет национал-социалистического содержания книги Бруннера.

Книга Бруннера вплоть до сегодняшнего дня воспринимается как одна из первых, написанных в традициях социально-структурной истории, а ее автор после доклада “Проблема европейской социальной истории”⁴⁹, прочитанного на съезде немецких историков в Бремене в 1953 г., считается одним из “отцов-основателей” социальной истории Германии. Если раньше для Бруннера предметом научного интереса являлись “народ и Рейх”, то теперь “человек и человеческие группы”⁵⁰. Националистическая “история народа” неожиданно стала рассматриваться как немецкий вариант общемирового тренда, а европейская социальная история – как аналог “истории народа”. На существенную, даже принципиальную разницу прежде всего с французской школой Анналов, никто не обращал внимания.

Для Бруннера социальная история – это не столько “определенная область исследования”, сколько синтезирующий “способ, аспект рассмотрения людей и человеческих групп в их совместном проживании, в их социализированном состоянии”⁵¹. На переднем плане находится структура, “внутреннее строение” общества и “человеческих союзов”⁵². Социальная история в подобном синтезирующем варианте принципиально отличается от типа социально-хозяйственной истории, который зародился в Германии на рубеже XIX–XX вв. и занимал в ней маргинальное положение, не имея возможности конкурировать с господствовавшей в немецком историзме политико-дипломатической историей⁵³.

В своем новом облики социально-структурная история должна была выступить в качестве механизма, соединяющего сферу социального и политического, точнее, поднимающего социальное до уровня политического. Бруннер отмечал, что “ни один из двух способов рассмотрения не может обойтись без другого... Действия сообществ нельзя понять без знания их внутреннего строения, также как нельзя понять относительно длительные структуры без политических событий”⁵⁴. Тяга к устранению

⁴⁵ Ibid., S. VII.

⁴⁶ Dipper Ch. Op. cit., S. 77.

⁴⁷ Algazi G. Otto Brunner – “Konkrete Ordnung” und Sprache der Zeit. – *Geschichtsschreibung als Legitimationswissenschaft*. Frankfurt-a.-M., 1997, S. 166–203.

⁴⁸ Jütte R. Op. cit., S. 239.

⁴⁹ Brunner O. Das Problem einer europäischen Sozialgeschichte. – *Neue Wege der Sozialgeschichte*. Vorträge und Aufsätze. Göttingen, 1956, S. 7–32.

⁵⁰ Ibid., S. 7.

⁵¹ Ibidem.

⁵² Ibid., S. 9.

⁵³ Начиная с 1893 г. в Вене выходил “Журнал социальной и хозяйственной истории”, сменивший в 1903 г. часть редколлегии и получивший новое название “Ежеквартальник социальной и хозяйственной истории”.

⁵⁴ Brunner O. Das Problem einer europäischen Sozialgeschichte, S. 9.

разобщенности мира и способов его познания сохранилась у Бруннера и после краха национал-социализма.

В. Конце, основатель “Рабочей группы по современной и социальной истории”, перенял у Бруннера не только понятие “структура”, но и понимание роли социально-структурной истории не как субдисциплины, а как синтезирующего проекта: «Общество следует всегда рассматривать как определенную структуру. Поскольку же ни одно общество немыслимо без власти, а власть определяется существующим строем, социальная история и история государственного строя должны тесно сблизиться и “даже стать неразрывным целым”. Рассмотрение их в отрыве друг от друга ведет к неадекватному отображению исторической действительности. Наоборот, подход к ним как к единому целому не только предотвращает возможность такой неадекватности, но и приводит к стиранию противоречий между социальной историей и так называемой “политической историей”»⁵⁵.

Если сравнивать социально-структурный подход Бруннера и Конце с представлениями о синтезе французских историков-анналистов, попытки преодоления “разъединяющего мышления” оцениваются сегодня как прообраз “тотальной истории” в ее современном варианте. Но восприятие категории “целого” у М. Блока и Л. Февра скорее роднит их с подходом первых десятилетий XX в., от которого “историки народа” решительно отвернулись. Именно обращение к культуре как “тотальности”, “всеобщей совокупности деятельности человека во всех областях жизни”, связанное, по мнению О.Г. Эксле, с Г. Зиммелем, М. Вебером, А. Варбургом и другими немецкими интеллектуалами начала XX в., определило вектор развития современной исторической науки⁵⁶.

Скептическое отношение Бруннера к интеграционному потенциалу буржуазного общества XIX в. не исчезло. Ни национал-социализм, обещавший восстановить утраченное единство общества и государства посредством тоталитарной утопии “народного сообщества”, ни его катастрофическое крушение не решили проблему разобщенности современного мира, а придали ей еще более актуальный характер.

Ответ на вопрос о связи “истории народа” с социально-структурной историей 50-х годов XX в. и современной исторической социальной наукой не однозначен. Он связан не только с прояснением идейной преемственности старых и новых подходов к историописанию, но и с выяснением категориального и понятийного родства этих теоретико-методологических направлений. Не менее важным представляется прояснение общественно-политического и интеллектуального контекста, сделавшего возможным, несмотря на “немецкую катастрофу” 1945 г., персональную и содержательную преемственность между исторической школой Третьего рейха и историографией Западной Германии.

Послевоенная денацификация затронула, прежде всего, политические и идеологические взгляды немецких историков; нацизм и идеология фёлькише были объявлены преступными. Однако “стиль мышления” историков 1930–50-х годов и алгоритм их научно-исследовательской практики остались нетронутыми. Этот когнитивный континуитет предопределил разительное сходство националистической “истории народа” с послевоенной структурной историей, которая сохранила многие из прежних наработок. “Историки народа” стали первыми в Германии, кто в больших масштабах реализовывал междисциплинарные проекты. Предмет их научно-исследовательского интереса также позволяет говорить об определенном родстве: в рамках обоих подходов произошел отказ от традиционного для немецкой историографии интереса к политической жизни общества и обращение к разнообразным историческим формам социальности. Наконец, обоим направлениям свойственно серьезное отношение к проблеме понятий и ориентация на использование аутентичного языка исторических источников.

⁵⁵ *Зидер Р.* Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении “социального”. – Thesis, 1993, вып. 1, с. 170.

⁵⁶ *Эксле О.Г.* Культурная память под воздействием историзма. – Одиссей. Человек в истории, 2001. М., 2001.

В то же время, после 1945 г. большинство историков, в частности и бывшие апологеты “истории народа”, стали строителями новой демократической германской исторической науки. Произшедшая трансформация связана с изменением политического контекста исследований: исторические работы больше не находились под воздействием национал-социалистической идеологии и не использовались в борьбе с европейскими соседями Германии. После крушения Третьего рейха политически было невозможно отстаивать псевдонаучный детерминизм фёлькишской философии. Историческая наука открылась для демократического плюрализма мнений.

Историко-философское наследие “истории народа” стало восприниматься однозначно как псевдонаучное и антигуманное. В силу произошедших в обществе перемен воспринимать народ как категорию, определяемую через “кровь и почву”, было невозможно; авторы, переиздавая свои труды, осознавали это. Сходство послевоенной социально-структурной истории и “истории народа” проявлялось в том, что и та другая рассматривали собственные объекты исследования с разных сторон, ориентируясь на синтез, с привлечением сравнительных и междисциплинарных методов. Но выводы они делали разные. Для “истории народа” результат был известен изначально и определялся ее основными познавательными категориями, в то время как структурная история была открыта для разнообразия ответов и выводов.

Социально-структурная история 50-х годов XX в. была попыткой “мягкого реформирования” основ немецкого историзма, осторожного расширения предметного поля исследований, защиты своей дисциплинарной идентичности в отношении смежных социальных наук, с одной стороны, и методологических подходов истории Анналов и марксизма, с другой. Именно это “мягкое реформирование” сделало структурные подходы Бруннера и Конце приемлемыми для многих представителей немецкой историографии и, тем самым, создало возможности для проникновения иных социально-исторических подходов⁵⁷.

Нельзя утверждать категорически, что лишь благодаря “истории народа”, в немецкой историографии зародился междисциплинарный подход. Представители старшего поколения немецких историков, сторонников метода историзма Л. фон Ранке, такие как О. Хинце и Ф. Мейнеке и их многочисленные ученики (в годы нацизма они были вынуждены эмигрировать из Германии), создали в период Веймарской республики условия, в которых стала возможной дисциплинарная и методологическая открытость исторической науки.

Наиболее негативную реакцию тезис о преемственности между “историей народа” 20–40-х годов XX в. и послевоенной социальной историей вызвал у представителей исторической социальной науки, прежде всего у Г.У. Велера⁵⁸. Историк оспаривал существование какой-либо связи исторической социальной науки с “историей народа”, заявляя, что западногерманская социальная история возникла под влиянием либерально-демократических историков Г. Розенберга и Э. Кера. Велер выстраивает иную линию преемственности социальной истории, которая, по его мнению, восходит к левой социально-политической традиции, не запятанной сотрудничеством с нацистами.

Тот факт, что “историки народа” обращались к материальному состоянию общества, к жизни народных масс, не был стремлением к формулированию новых прогрессивных научных подходов. Интерес к социально-экономической и ментально-культурной стороне повседневной жизни народа, к жизненным обстоятельствам “маленьких людей”, не являлся для них первоочередным. Познавательный интерес немецких исто-

⁵⁷ *Conrad S. Auf der Suche nach der verlorenen Nation. Geschichtsschreibung in Westdeutschland und Japan. 1945–1960. Göttingen, 1999; Jin-Sung Chun. Das Bild der Moderne in der Nachkriegszeit. Die westdeutsche “Strukturgeschichte” im Spannungsfeld von Modernitätskritik und wissenschaftlicher Innovation 1948–1962. München, 2000.*

⁵⁸ См. интервью Г.У. Велера. – *Versäumte Fragen. Deutsche Historiker im Schatten des Nationalsozialismus. Stuttgart – München, 2000, S. 256–258.*

риков 20–40-х годов XX в. был направлен не на само общество, а на географическую динамику различных проявлений этого общества как внутри определенного пространства, так и вне его. Такая географическая и даже геополитическая ориентация отличает “историков народа” как от современной исторической социальной науки, так и от сложившегося в 20-е годы XX в. во Франции социально-исторического направления школы Анналов, представители которого рассматривали историческое пространство лишь как оболочку социальных процессов⁵⁹.

В то время как в новейшем варианте социальная история Германии занимается преимущественно анализом процессов становления и трансформации индустриального и современного постиндустриального общества, националистическая “история народа” двигалась в противоположном направлении: ее отличало скептическое отношение к современности, вплоть до открытой вражды к ней.

Представители более молодого поколения западногерманских историков, прежде всего Г.У. Велер и Ю. Кокка, объединившиеся в 1975 г. вокруг журнала “История и общество” с целью формирования собственного варианта исторической науки как “исторической социальной науки”, выиграли от “открытости” структурной истории. В отличие от их учителей, с наследием “истории народа” молодое поколение ничего не связывало. Напротив, современная социальная история Германии характеризуется признаками, которые в “истории народа” не играли почти никакой роли.

В социально-исторической программе, выдвинутой Велером и Коккой, важное место занимали эвристические принципы нового понимания социального: во-первых, обращение к идеям М. Вебера, чей социологический анализ, в общем и целом, не был принят предшествующей историографической традицией; во-вторых, внимание к произведениям О. Хинце и Э. Кера, представивших первые примеры синтетического историописания; в-третьих, избирательное восприятие марксистских идей и отказ от предубеждений в отношении исторического материализма; наконец, в-четвертых, обращение к объяснительному потенциалу социально-политических учений, прежде всего, теории модернизации.

⁵⁹ Oexle O.G. Was deutsche Mediävisten an der französischen Mittelalterforschung interessieren muss. – *Mittelalterforschung nach der Wende 1989*. München, 1995; Schöttler P. Das “Annales-Paradigma” und die deutsche Historiographie (1929–1939). – *Nationale Grenzen und internationaler Austausch. Studien zum Kultur- und Wissenschaftstransfer in Europa*. Tübingen, 1995.